

— Всякое случается! . .

Взялся Онисимъ за ручку, отворилъ дверь — незапертая стояла. Заглянулъ я за нее — сумеречно внутри, пусто; ни иконъ на стѣнѣ, ни креста, плѣсенью густо пахло. Жутко мнѣ стало!

— Да входи, входи!! велѣлъ дѣдъ: — чего мнешься?

Вошли мы. Онисимъ взялся за большое кольцо, что въ плиту пола было ввинчено; люкъ открылся, ступеньки каменные застѣрѣли . . въ темень всмотрѣлся — гробъ различилъ черный . . . духомъ теплымъ потянуло.

Дѣдъ опустилъ плиту, выбрались мы наружу; я будто изъ капкану вырвался, такъ Божьему свѣту обрадовался!

— Что же, спрашиваю, — чернокнижникъ этотъ надѣлалъ?

— Долго сказывать! . . отозвался дѣдъ: — сейчасъ некогда; вечеромъ, ужотка напости, расскажу . . .

Ну, ладно! А тамъ могилу пришлось идти рыть, потомъ тѣмъ да сѣмъ занялись, гость заходилъ — про Волкова мы совсѣмъ и забыли!

Минуло такимъ родомъ лѣто и осень. Въ ту пору развратный тифъ широко народъ косилъ — много всякихъ заботъ было. Зима подошла, да выюжливая, снѣжная, все кладбище сугробами чуть не по верхушки крестовъ занесло. Шибко намъ работы прибавилось! Не въ примѣту сочельникъ и Рождество подошли.

Дѣдъ въ городъ сходилъ, мяса для праздника принесъ, яблочковъ, пряниковъ, орѣховъ . . Семьдесятъ годовъ старику было, а онъ ихъ какъ бѣлка щелкалъ, ей Богу! . .

Я домовничалъ, кутью съ медомъ изготавилъ, сторожку прибралъ чистенько.

Вечерѣтъ начало; огня не вздували, сѣли у окошечка, звѣзду высматриваемъ — ничего, вѣдь, ѣсть въ этотъ день до звѣзды не полагается!

И вспомнялся мнѣ склепъ Волкова — елки вокругъ него всѣ снѣгомъ занесены — я ихъ днемъ издали видѣлъ.

— Дѣдушка Онисимъ? . . говорю: — а помнишь, ты посулился про барина Волкова рассказать?

— Помню! . . отвѣчаетъ: — что жъ, можно! Померъ онъ, когда тебя еще и на свѣтъ не было — годовъ тридцать назадъ, вотъ сколько! . . Не нашъ онъ былъ, не здѣшній, а откудова взялся — этого я не знаю. Чудной былъ: ни съ кѣмъ не водился, всегда угрюмый; идетъ по улицѣ, шляпу въ рукѣ несетъ, патлатой головой справа налево помахиваетъ — думалъ всегда! Какъ вечеръ онъ черную книжку, большую давай читать. Весь городъ спитъ, ночь глухая, а у него свѣтъ горитъ, окошки то зеленымъ огнемъ, то краснымъ вспыхиваютъ.

Лакей сказывалъ будто нечистую силу онъ вызывалъ. Горнъ у него въ кабинетъ стоялъ, столы всякими стеклянными трубками и пузырями заставлены были. Чего то онъ все кипятилъ, переливалъ. Иной разъ какъ грохнетъ — лакей ажъ кубаремъ съ постели скатывался!

И придумалъ господинъ Волковъ порошокъ особенный: кто приметъ его — такъ сразу и заснетъ на разные сроки, по усмотрѣнію — на недѣлю, на мѣсяцъ и больше. Изготовилъ это онъ порошокъ, упредилъ лакея, чтобы семеро сутокъ не тревожилъ его и не велѣлъ знать давать никому ничего.

— Зачѣмъ же ему такой долгій сонъ потребовался? . . любопытствовалъ я.

— Жизнь, сказывали, не ндравилась — это дѣдъ мнѣ въ отвѣтъ: — будущность желалъ узнать! Опять же человекъ одинокій былъ, богатый — отчего ему не поспать? Принялъ онъ семиденный порошокъ, легъ у себя въ горницѣ и уснулъ. И какъ вѣдь уснулъ — какъ померъ: ни

дыханія въ немъ не осталось, ни тепла, сердце не стукнетъ !

Испугался лакей ! Однако, срокъ выждалъ : — глянь черезъ семь сутокъ баринъ и впрямь очнулся, ровно какъ бы съ похмѣлья себя восчувствовалъ ! И такъ это все ему занятнымъ показалось, что порѣшилъ онъ на двадцать пять годовъ уснуть. Купилъ себѣ мѣсто на кладбищѣ, склепъ устроилъ, какой ему понадобился, изъ склепу проволоку велѣлъ протянуть наружу, на стѣнѣ колоколъ повѣсили, чтобы, значить, можно было, какъ очнется, слухъ о себѣ подать ! Духовную сдѣлалъ. Покончилъ съ дѣлами, да новый порошокъ и принялъ !

Лакей сейчасъ въ полицію ; приставъ явился, доктора, знакомые разные. Освидѣтельствовали его — покойникъ форменный ! Что дѣлать ? Не въ городѣ же его держать, на квартирѣ, для испыту ? Его и перевезли въ склепъ. Дверь заперли, ключъ мнѣ вручили ; только отпѣванія не было !

— И стали мы — сказывалъ дѣдъ — съ той поры звону колокола ждать : мало ли что могло произойти ? вдругъ да порошокъ не той дѣйствительности сдѣланъ былъ и господинъ раньше срока проснется ?

Годъ минулъ, другой и пятый . . . стали забывать про спящаго ; никто къ нему не являлся, могила въ чисткѣ не значилась, лѣсомъ стала заростать . . .

Прошло такимъ родомъ уже не двадцать пять, а всѣ сорокъ годовъ ! Дѣдъ Онисимъ померъ давно ; всѣ старики могильщики тоже подъ кресты легли, я дѣдомъ сдѣлался. О господинѣ Волковѣ и памяти не стало . . . явное дѣло — ошибся онъ въ чемъ то и уморилъ себя !

Однажды — какъ сейчасъ помню, — въ іюлѣ мѣсяцѣ, подъ Владиміровъ день, постелилъ я себѣ вотъ тутъ на лавочкѣ подъ окошкомъ войлочекъ, подмостилъ подъ голову подушку, укрылся тулупомъ и сплю. И слышалось мнѣ во

снѣ, будто колоколь гдѣ то рѣзко ударилъ! Поднялъ я голову — нѣтъ . . . ничего не чуть больше! Глянулъ на окно — ночь свѣтлая стоитъ, мѣсячная, деревья какъ серебромъ облитыя, листкомъ не шелохнуть . . . между ними памятники и кресты будто бѣлое стадо на траву пастись высыпало . . . И вдругъ тѣнь мелкнула!

Дрогнулъ я. — Какъ — думаю — могъ сюда человѣкъ попасть? Ворота заперты, стало быть воръ забрался, либо разбойникъ!

Заметался я по сторожкѣ: палку ищу, а ея, какъ на грѣхъ, нѣтъ, запропастилась куда то! А снаружи топотъ, глухой уже слышу . . . ближе онъ все и ка-акъ грохнетъ что то въ дверь!

— Отворите!! . . кричитъ неизвѣстный. А голосъ слабый, надорванный.

Распахнулъ я окошко, высунулся: у двери высокій, истощалый человѣкъ стоитъ — навалился на нее; голова всклокоченная, борода тоже, сквозь одежду тѣло пятнами бѣлѣетъ, отъ штановъ, внизъ отъ колѣнъ, только лохмотья висятъ, ноги босыя.

— Почему я на кладбищѣ?! спрашиваетъ. Зубы, слышу, щелкаютъ, весь дрожить и на ногахъ еле держится!

— Это — отвѣчаю — тебѣ лучше знать! Какъ ты сюда попалъ?

— Не знаю! . . шепчетъ — Гдѣ я? . . Который годъ теперь?

— Тысяча девятьсотъ второй . . .

Онъ за голову себя ухватилъ, замоталъ ею.

Кто же я? . . Гдѣ мой домъ? повторилъ и вдругъ какъ завизжить, какъ пустится бѣжать прочь — откуда силы взялись! А съ него куски платья, какъ листья съ дерева осенью, посыпались.

Вышелъ я изъ сторожки — въ толкъ взять ничего не могу! Кто такой былъ, откуда взялся? Да какъ вскрикну самъ: — Господи, да ужъ не Волковъ ли очнулся и все прошлое позабылъ?

Не до сну стало, конечно! Послушалъ я немного на дворѣ — тихо... черезъ ограду, навѣрное, перебросился человѣкъ!

Воротился я въ сторожку, зажегъ лампочку, да подъ иконами до утра за священнымъ писаніемъ и просидѣлъ!

Только обутрѣло, захватилъ я огарочекъ и — ходу въ склепъ Волковскій! Подхожу — вижу дверь настежь сгointъ; вошелъ въ часовню, поднялъ западню, зажегъ свѣчку и посвѣтилъ въ склепъ.

Въ гробу никого нѣтъ, на боку онъ лежитъ, рядомъ крышка валяется сброшенная... проволока къ звонку оборванная виситъ — перегнила совсѣмъ.

Я сею же минутой къ отцу настоящему. Онъ съ матушкой чай утренній кушали; оба изъ себя такіе высокопоставленные были, дебелие; у нея даже усики на губѣ росли черные.

— Такъ и такъ!.. докладую: — вотъ какое происшествіе у насъ ночью приключилось!

Усомнился отецъ протоіерей.

— Я — говорить — даже и не слыхалъ ничего о такомъ Волковѣ!

Однако, стаканъ докушалъ и вмѣстѣ со мной пошелъ.

Спустились мы въ склепъ и какъ увидалъ онъ все — взялся рукой за бороду, покачалъ головой и эдакъ, утробой выговорилъ: — н-да... убѣдительно!..

Говору поднялось у насъ на кладбищѣ, пересудовъ!..

А на другой день отецъ протоіерей самъ велѣлъ кликнуть меня къ себѣ.

— Вотъ что, Андріанъ? — сказалъ: являлись ко мнѣ двое надзирателей изъ сумасшедшаго дома, справлялись — не видали ли на кладбищѣ бѣжавшаго ночью больного, забывшаго кто онъ такой. И ростомъ и обличьемъ онъ какъ есть твой Волковъ. Соображаешь теперь? Изъ

городу бабы переть начинаютъ, на воскресшаго покойника поглядѣть просятъ! . . . Такъ ужь ты того, не суесловь больше! Чудеса нынче воспрещены . . . да изъ этого и ущербъ можетъ выйти: кто же къ намъ покойниковъ хоронить повезетъ, ежели они воскресать у насъ будутъ?

Ушелъ я. А дорогой все сомнѣвался.

— Какъ же такъ? думаю; — куда жь бы тогда дѣвалось тѣло покойника? Развѣ не могъ господинъ Волковъ годъ либо два тому назадъ воскреснуть, попасть въ сумасшедшій домъ, а оттуда бѣжать теперь черезъ кладбище — рядомъ они, почитай, находятся! Ну, да развѣ съ начальствомъ поспоришь? . .

А бѣглаго сумасшедшаго нашли еще черезъ день: утопъ въ канавѣ съ водой у кладбища!

О с е н н е е

Поздняя осень...

Льетъ дождь: сквозь разрѣдившійся, почернѣлый садъ видны жнивья и ровныя, вспаханныя поля; вдали большакъ, обсаженный вѣтвистыми березами. И все пустынно — ни души живой кругомъ; даже вороны и тѣ куда то попрятались. Дороги развезло — ни выйти, ни выѣхать...

Скучно въ такую пору въ деревнѣ!

Въ домѣ тишина; учащаяся молодежь давно въ городѣ; оставшіеся будто притаились по своимъ угламъ. Дѣлать ничего не хочется, даже не читается... Утонешь въ дѣдовскомъ креслѣ у окна и подолгу смотришь на мокрый знакомый дворъ, или бродишь по пустыннымъ комнатамъ... за тобой чуть слышно крадется эхо... Остановишься противъ старинныхъ портретовъ, что то вспоминается, думается... Мысли безсвязны; рои ихъ сплетаются въ какіе то образы и чувства, сейчасъ же уносящіеся прочь... Осень — время для думъ и воспоминаній; въ скукѣ ея есть своя прелесть!...

И вдругъ какъ вѣтромъ сдунетъ наполняющій душу невѣдомый міръ и сразу перенесешься въ настоящее: съ большака къ усадьбѣ сворачиваетъ коляска съ поднятымъ верхомъ.

Домъ пробуждается. — „Ѣдетъ кто то!“... искрой облетаетъ комнаты. А со двора уже слышится глухое чавканье копытъ и у подъѣзда во-

дить боками тройка коней, запаренных до пѣны подъ шлейками; кузовъ коляски, крылья, колеса облѣплены пудами грязи.

Случайный гость въ такую пору — радости! Время, или не время — на столѣ вырастаютъ самоваръ и закуски. За оживленной бесѣдой только по ставшему слишкомъ яркимъ огоньку папироски гостя сообразишь, что надвинулись сумерки; глянешь на окно — тамъ хмурится темень; по бурому, провисшему небу по одиночкѣ тянутся на ночлегъ къ дальнему углу сада взъерошенные вороны.

Изъ столовой переходимъ въ уютъ маленькой, теплой гостиной, или кабинета...

Ночная темнота способствуетъ откровенности и многое, о чемъ промолчалъ бы человѣкъ днемъ, расскажетъ вечеромъ.

Именно въ такую пору ко мнѣ неожиданно завернулъ нѣкто Заварнинъ — мой дальній и малознакомый сосѣдъ; молва о немъ шла неопредѣленная, странная: говорили, что онъ оккультистъ и спиритъ; ходилъ даже слухъ, будто бы онъ умеръ и былъ погребенъ на Московскомъ кладбищѣ.

Гость освободился отъ бурочнаго чапана и шубы и мы поздоровались.

— Лошади изъ силъ выбились — такая отчаянная дорога! — заявилъ онъ, входя вмѣстѣ со мной въ столовую. — Если не прогоните, буду проситься заночевать у васъ?...

— Милости прошу, очень радъ!... отвѣтилъ я.

Заварнинъ былъ высокъ и худошавъ; на верхней губѣ его изжелта — смуглаго лица чернѣли двѣ капельки — модные усики; онъ былъ бы красивъ, если бы не выпуклые тускло черные глаза съ синими бѣлками; лѣтъ ему можно было дать подъ сорокъ.

Разговоръ сначала нѣсколько не вязался: личные интересы у насъ были разные, а земскими дѣлами Заварнинъ не интересовался совершенно и при упоминаніи о нихъ умолкалъ и слегка коивилъ тонкія, синеватыя губы.

Гость отогрѣлся чаемъ и мы перешли въ кабинетъ; туда же подали намъ бутылку густого Ньюи и мы расположились въ креслахъ другъ противъ друга.

Разговоръ коснулся участвовавшихъ въ послѣдніе годы землетрясеній и ихъ послѣдствій.

— Опасность всегда можно избѣжать!... замѣтилъ гость: — надо только прислушиваться къ голосамъ природы... Къ сожалѣнію, мы воспринимаемъ развѣ сотую долю ея предупрежденій!..

— Напримѣръ, какихъ?...

— Да хотя бы шумъ листьевъ, воды — они совершенно измѣняются передъ катастрофами...

— Развѣ?...

— Безспорно! И рѣки и деревья передъ землетрясеніями шумятъ по особенному. Земля всегда шлетъ свои предостерегающія радіо чело-вѣку... Къ сожалѣнію, многіе совершенно разучились понимать „травъ прозябанье“!

— Пониманіе ихъ — уже не ученіе, а способность!... возразилъ я.

— Совершенно вѣрно. И эта способность сохранена животными: у нихъ она проявляется смутнымъ безпокойствомъ. Собаки предчувствуютъ даже такія событія, какъ приближеніе чьей либо смерти, или пожара въ домѣ....

— Это совсѣмъ потустороннее... отвѣтилъ я: — вы не теософъ?...

Заварнинъ неопредѣленно наклонилъ голову.

— Я ищущій, но безъ опредѣленныхъ рамокъ...

Я посмотрѣлъ сквозь рубинъ стакана на свѣтъ; гость медленно отхлебывалъ вино: ночь и оно уже начинали оказывать нѣкоторое дѣй-

ствіе; на верхней части его щекъ засквозили румяныя пятна; онъ сидѣлъ разсѣянный, мысли его, видимо, унеслись далеко... по желѣзной крышѣ гулко стучалъ дождь.

— Васъ въ уѣздѣ считаютъ чѣмъ 'то 'вродѣ Фауста, или Калліостро... и, даже, Феникса?... замѣтилъ я, наливая еще вина.

Заварнинъ оглянулся на меня; въ черныхъ глазахъ его мелькнуло недоумѣнное выраженіе только что опомнивагося человѣка.

— Я, Фаустъ?... онъ улыбнулся. — Я только человѣкъ, десять лѣтъ отсутствовавшій изъ дома!... А что необыкновенное имѣло мѣсто въ моей жизни — это вѣрно!

— Что же именно?... спросилъ я.

— Если хотите, расскажу?...

— Очень прошу!...

Заварнинъ отпилъ изъ стакана.

— Вы, вѣдь, знавали моихъ родителей?... началъ онъ: — помните, какъ шумно и широко они жили?

— Какъ же!... отозвался я. — И васъ помню еще студентомъ... Куда вы потомъ какъ въ воду канули на цѣлыхъ десять лѣтъ?

— Сперва въ Москвѣ жилъ, затѣмъ за границей.. жизнь вель безалаберную! И вотъ, однажды, познакомился я на вечерѣ у знакомыхъ съ молоденькой барышней... Знаете, курочки такія бываютъ особы, съ большущимъ хохломъ на головѣ, изъ подъ котораго только глазки блестятъ да носикъ торчитъ — ну точь въ точь она. Платье на ней было бѣлое, не то изъ снѣжинокъ, не то изъ перышекъ, личико оживленное, веселое, а надъ нимъ круглая шапка изъ черныхъ кудрей.

Разговорился я съ ней — будто ранней весной изъ душнаго дома на балконъ вышелъ: свѣжестью дохнуло, чистотой, искренностью... подснѣжникъ съ черной головкой!... Звали ее Ирой.